

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Марии Петровны Безеновой «Удмуртский вокализм первого слога в историческом аспекте (на материале памятников письменности и современных диалектов)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки)

Диссертация М. П. Безеновой посвящена исследованию удмуртского вокализма первого слога – как на материале современных удмуртских диалектов с использованием инструментальных методов обработки данных, так и в текстах письменных памятников. Автор ставит задачу синхронного описания удмуртских гласных первого слога, а также реконструкции праудмуртской системы.

Поставленная в работе задача чрезвычайно сложна и актуальна, поскольку изучение и «распутывание» удмуртского (и вообще уральского) вокализма представляет собой нетривиальную задачу в силу частых сложностей для его уверенного восприятия в полевой работе, значительного идиомного и идиолектного варьирования и происходящих контактных изменений (в первую очередь под влиянием русского языка). Эта тема многократно затрагивалась и предшественниками М. П. Безеновой, но интерпретировать их результаты зачастую трудно, поскольку сбор материала в большинстве случаев велся без использования современных методов обработки аудиозаписей, а системы транскрипции в работах предшественников существенно разнятся. Кроме того, удмуртское языкознание на сегодняшний день испытывает недостаток в диалектных словарях, что делает актуальной задачу сбора и систематизации новых озвученных словников в удмуртских говорах. Удмуртские письменные памятники, составляющие другой важный аспект описания, тоже пока не так хорошо исследованы (по сравнению с памятниками «крупных» письменных языков), поэтому их рассмотрение в работе, несомненно, важно для научного изучения удмуртского языка и его истории.

Рецензируемая работа состоит из Введения, трех Глав, Заключения, Списка сокращений, Списка литературы и Приложения.

Во Введении дается общая характеристика диссертации, а также приводится обзор литературы, посвященной удмуртской диалектологии, исторической фонетике и памятникам письменности. Здесь М. П. Безенова проявляет глубокое знание релевантных источников и способность четко систематизировать полученную из них информацию. Важно также, что привлеченная литература не просто «для галочки» пересказывается в обзоре, но и в основном тексте активно присутствует на страницах диссертации в виде регулярных сопоставлений данных М. П. Безеновой с данными предшественников.

Глава 1 посвящена анализу нескольких памятников удмуртской письменности. Здесь автор весьма обстоятельно обсуждает ряд методологических вопросов, после чего тщательно расписывает и сопоставляет фонетические особенности памятников, как в области вокализма, так и в области консонантизма (последнее оказывается необходимым для адекватной диалектологической характеристики памятников). Результатом этой части работы служит фонетическая характеристика глазовского и сарапульского наречий удмуртского языка в первой половине XIX в., делаются интересные предположения о хронологии изменений в системе удмуртских гласных.

Глава 2 содержит синхронный анализ гласных первого слога в пяти говорах, относящихся к основным диалектным массивам удмуртского языка. Здесь приводится обширный эмпирический материал: на материале каждого из говоров автором был собран аудиословарь объемом около 700 единиц, после чего была произведена обработка записей в программе Praat и определено устройство системы гласных первого слога в каждом из говоров. Предлагаемая транскрипция в целом выглядит адекватно. Очень важным достоинством Главы 2 является верифицируемость изложенных в ней результатов: все аудиозаписи выложены в свободном доступе в Интернете, благодаря чему каждый желающий может собственноручно проверить транскрипцию М. П. Безеновой и при необходимости аргументированно предложить любые ее уточнения. Вообще, принятый в работе принцип общедоступности языковых данных подает позитивный пример для современных финно-угроведческих исследований и находится в русле активно развивающейся в современной

лингвистике методологической ветви, в которой делается установка на верифицируемость лингвистических работ и на доступность для профессионального сообщества не только самих их текстов, но и исходных данных, на которых основывался автор, – ср., например, недавно созданную ровно с этой целью базу данных TROLLing (Tromsø Repository of Language and Linguistics).

В Главе 3 автор приводит ряды соответствий гласных фонем первого слога в обследованных говорах, детально сопоставляя эти данные с выводами предшественников, и предлагает уточнения существующих реконструкций праудмуртского вокализма. На основании синхронного акустического анализа делаются предположения и об акустических свойствах праудмуртских гласных фонем. Представляется, что сделанные в этой главе выводы М. П. Безеновой должны будут приниматься во внимание в последующих работах по исторической фонетике пермских языков.

Заключение, обобщающее основные выводы работы, написано очень подробно и четко, здесь еще раз суммируются результаты анализа письменных памятников, приводятся системы гласных фонем первого слога в обследованных идиомах, а также предлагаемая автором реконструкция праудмуртского вокализма с кратким напоминанием оснований для ее вывода.

В оставшейся части работы особое внимание обращают на себя базовые словники пяти говоров удмуртского языка, несомненно, представляющие ценный эмпирический вклад в удмуртскую диалектологию.

Как видно из предшествующего изложения, диссертация М. П. Безеновой обладает целым рядом важных достоинств. В ней тщательно проанализирован собранный лично диссертанткой обширный полевой материал. Полученные данные прошли инструментальную обработку, что, несомненно, повышает их валидность, и представлены на общедоступном интернет-ресурсе. Автору удалось проработать обширный массив литературы, полученные в работе результаты подробно сопоставлены с достижениями предшественников. Работа имеет четкую структуру и написана ясным научным языком.

Наряду со всеми отмеченными выше положительными качествами, рецензируемая диссертация вызывает ряд замечаний и вопросов.

1. Хотелось бы видеть в диссертации более подробное теоретическое обсуждение того, что автор понимает под фонемой и каковы использованные в работе критерии выделения фонем. В изложении в целом, безусловно, виден основной упор на средние значения первых двух формант гласных, но некоторые вопросы, тем не менее, остаются. Например, выделяются ли в рамках принятого автором подхода две различные фонемы при любом количественном расхождении средних значений формант некоторых двух кластеров примеров на материале базового словника? Или же дополнительно используются какие-либо процедуры, доказывающие статистическую значимость выявленных различий? Еще один возникающий здесь вопрос касается наложений друг на друга фонемных «облаков» на представленных диаграммах из Praat: как определяется фонема в областях наложения? Конкретным примером могут послужить гласные *э* (неогубленный гласный среднего ряда средне-нижнего подъема) и *э̃* (огубленный (слабоогубленный) гласный среднего ряда средне-нижнего подъема) в говоре д. Кабаково среднечепецкого диалекта (с.с. 89 – 103). Средние значения F1 для этих гласных практически тождественны: 534,03 Гц для *э* и 536,23 Гц для *э̃*, а средние значения F2 составляют 1500,64 Гц для *э* и 1601,9 Гц для *э̃*. В то же время, в словах, где определяется фонема первого слога *э̃*, ее F2 нередко принимает значение, существенно более близкое к средней F2 фонемы *э* (*эс* ‘дверь’ – F2 = 1409,43 Гц; *jel* ‘молоко’ – F2 = 1483,4 Гц; *вэ̃j* ‘масло’ – F2 = 1370,54 Гц, и др., см. с. 95). Аналогично, в некоторых словах, которым приписана фонема *э̃*, ее F2 принимает значения более 1600 Гц, в среднем, как утверждается в диссертации, близкие фонеме *э̃* (*бэ̃rn'á* ‘мукомольный ковш’, F2 = 1639,49 Гц, *рзэ̃tini'* ‘износиться (об одежде, обуви)’, F2 = 1639,12 Гц, и др., см. с. 94). В результате возникает вопрос, по каким критериям, помимо субъективного слухового ощущения исследователя, определяется фонема *э̃* при F2 менее 1500 Гц и фонема *э* при F2 более 1600 Гц? Если при этом как-либо учитывается влияние соседних согласных звуков (что вскользь упоминается в работе, но скорее в статусе планов на будущее), то было бы нелишне оговорить это в тексте, пояснив, какие именно согласные и как именно наиболее существенно влияют в удмуртском языке на акустические характеристики соседних гласных.

Наконец, из текста не совсем ясен статус минимальных пар при определении фонологичности некоторого звукового различия. Считает ли автор данный аспект существенным для определения состава фонем? Все ли выделенные в работе фонологические противопоставления могут быть проиллюстрированы минимальными парами?

2. В работе оговаривается, что населенные пункты, выбранные для полевого исследования, представляют пять крупных диалектных единиц удмуртского языка: среднечепецкий диалект, центрально-южный диалект, периферийно-южный диалект, бесермянское наречие, срединные говоры. Вместе с тем здесь возникает следующий вопрос: по какому принципу выбирался единственный населенный пункт для каждого диалектного массива? Судя по уже вышедшим томам «Диалектологического атласа удмуртского языка», говоры внутри каждого массива не являются абсолютно однородными, поэтому, вообще говоря, нельзя полностью исключить вероятность обнаружения внутри них каких-либо фонетических различий. Каковы имеющиеся у автора свидетельства того, что именно выбранные говоры наиболее репрезентативно отражают фонетику соответствующих диалектных массивов?

3. Как следует из списка информантов, приведенного в Приложении, все учтенные в работе дикторы – женщины. Между тем, хорошо известны трудности формантного анализа женских голосов по сравнению с мужскими. Как автор справляется с этой проблемой? Имеются ли в доступе у автора какие-либо записи от информантов-мужчин, и если да, то полностью ли они подтверждают выводы работы? Кроме того, состав информантов неоднороден по возрасту: в с. Покровский Урустамак была опрошена информантка 1935 г. р., а в д. Вылынгурт – 1974 г. р. Имеются ли данные по каждому из этих идиомов от дикторов других возрастов и есть ли основания предполагать возможные поколенческие различия фонетических систем?

4. На большинстве аудиозаписей, насколько удалось понять по просмотру сайта, содержится только одно произнесение каждого из слов. Более удачным, однако, представлялось бы с целью уменьшения случайных статистических выбросов записывать и анализировать каждое слово в трех произнесениях, как это распространено в практике полевых исследований.

5. Как уже говорилось выше, работа имеет достаточно представительную библиографию. Тем не менее, вызывает недоумение полное отсутствие ссылок на исследования бесермянского идиома, уже более 10 лет проводимые экспедициями кафедры теоретической и прикладной лингвистики МГУ им. М. В. Ломоносова: прежде всего на мультимедийный словарь говора д. Шамардан (<http://languedoc.philo1.msu.ru/~beserman/>), а также на статью [Идрисов 2012], посвященную непосредственно вокализму этого говора¹.

6. В таблицах с фонетическими соответствиями в Главе 3 странновато смотрятся явные русские заимствования, для которых едва ли можно предполагать удмуртскую праформу, ср. *pestró* ‘пестрый’ (с. 155), *rumká* ‘бокал, рюмка’ (с. 157), *кэмók* ‘ком, комок’ (с. 182) и т. п.

7. В словарях, содержащихся в Приложении, есть отдельные случаи неоднозначности в переводах слов: *pekl'á* ‘почка’ – часть тела человека или почка на дереве? (с. 227); *tul* ‘клин’ – заостренное орудие или журавлиный клин? (с. 229); *turani* ‘подходить’ – о движении человека или об одежде? (с. 229); *pukíif* ‘лук’ – растение или оружие? (с. 240)

В целом, несмотря на высказанные замечания и вопросы, рецензируемая диссертация заслуживает положительной оценки. Автор вводит в научный оборот обширный массив нового языкового материала, проявляя несомненные способности к его лингвистическому анализу. Работа представляет ценность для удмуртской диалектологии и лексикографии, а также для исторической фонетики уральских языков. Отметим, что полученные М. П. Безеновой результаты уже интегрированы в более широкий проект, посвященный уральской фонетике и этимологии.

Таким образом, диссертация М. П. Безеновой «Удмуртский вокализм первого слога в историческом аспекте (на материале памятников письменности и современных диалектов)» соответствует всем критериям пп. 9 – 14 действующего Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842 (в ред.

¹ Идрисов Р. И. Вокализм бесермянского диалекта удмуртского языка на материале говора д. Шамардан Юкаменского района Удмуртии // Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы: Сб. статей. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 591–606.

Постановления Правительства РФ от 30.07.2014 № 723), и является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей значение для финно-угорского языкознания. Автор диссертации, Мария Петровна Безенова, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки). Автореферат и публикации автора с достаточной полнотой отражают основное содержание диссертации.

Отзыв составлен Егором Владимировичем Кашкиным.

egorkashkin@rambler.ru;

кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики ФГБУН Институт русского языка им.

В. В. Виноградова РАН

Адрес организации: 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2;

телефон: (+7 495) 695-26-60;

факс: (+7 495) 695-26-03;

www.ruslang.ru

ruslang@ruslang.ru

Научный сотрудник ФГБУН Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН

кандидат филологических наук

Е. В. Кашкин

20 января 2015 г.